

Андрей

КИВИНОВ

ЗОНА ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ТРЕВОЖНАЯ
КНОПКА

16+

Зона личной безопасности

Андрей Кивинов

**Зона личной безопасности.
Тревожная кнопка**

«Автор»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6 К38

Кивинов А. В.

Зона личной безопасности. Тревожная кнопка / А. В. Кивинов —
«Автор», 2015 — (Зона личной безопасности)

ISBN 978-5-17-089616-5

Она – профессиональная разведчица, работающая в отделе собственной безопасности полиции. И очередное внедрение связано с резонансным убийством. Однако ею движет не столько профессиональный долг, сколько личный интерес. Но когда эти линии пересекаются, последствия становятся непредсказуемыми.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6 К38

ISBN 978-5-17-089616-5

© Кивинов А. В., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Пролог	7
Глава первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Кивинов

Зона личной безопасности.

Тревожная кнопка

Уважаемый читатель! Если по какой-либо причине вы не смогли прочитать книгу первую «Идеальный охотник» трилогии «Зона личной безопасности», ниже приводится список и краткие тактико-технические характеристики основных действующих лиц.

Бойков Николай Васильевич – 33 года, майор полиции, старший оперуполномоченный отдела собственной безопасности полиции (ОСБ) города Юрьевска. Человек со скачущим либидо и смещенным центром тяжести, говоря проще – ортодоксальный бабник, не желающий связывать свою счастливую жизнь с постоянной спутницей. В оперативной работе любит нестандартные комбинации, несмотря на то что те иногда приводят к нестандартным последствиям.

Горина Ольга Андреевна – 30 лет, майор полиции, старший оперуполномоченный отдела собственной безопасности. Женщина непростого характера и как следствие, сложной судьбы. В полицейских кругах имеет прозвище Графиня от слова «полиграф». Сотрудники, которых она курирует, воспринимают ее исключительно в негативном свете. Все, кроме Копейкина (см. ниже).

Родионова Светлана Юрьевна – 28 лет, оперативник отдела специальных операций ОСБ города Юрьевска, выпускница Средней специальной школы милиции. Имея симпатичную внешность, нагло пользуется этим в ходе проведения разовых внедрений и оперативных установок. Вынуждена жить двойной жизнью – по приказу никто, кроме самых близких родственников и коллег, не должен знать о месте ее работы. В силу чего – полная личная неустроенность.

Царев Борис Дмитриевич – 47 лет, полковник полиции, начальник отдела собственной безопасности города Юрьевска. Имеет массу заслуг перед отечеством и еще большую массу прозвищ. Самые популярные: Царь Борис, БиДе, Царь-пушка или просто Боря. Непримиримый борец с оборотнями, старается жить по совести, поэтому до сих пор не приобрел личную машину. Крепкий семьянин из двухкомнатной квартиры. Жена, дочь, больная спина.

Копейкин Кирилл Павлович – 32 года, капитан полиции, старший оперуполномоченный уголовного розыска территориального (Северного) отдела полиции. Бывший мотогощик, в разводе, есть сын. Подозревается в ликвидации преступных лидеров, а в целом неплохой специалист, но слишком эмоционален, поэтому втихаря жрет антидепрессанты. Имеет нетрадиционные отношения с Гориной и традиционные с Бойковым. Последний мечтает его посадить, поквитавшись за личную обиду.

Чистов Антон Иванович – 50 лет, кандидат технических наук, мастер-умелец, отвечающий за шпионскую технику в ОСБ. В широких научных кругах известен тем, что подключил к Интернету утюг и обновил его до последней версии.

Слепнев Станислав Иванович – 35 лет, майор полиции, оперативник отдела по раскрытию убийств при Управлении внутренних дел города Юрьевска. Сам ничего давно не раскрывал, но курирует раскрытие другими резонансных убийств. Любит творчество Михаила Круга, особенно песню про централ. Кругл лицом и животом. Одним словом – эталон.

Автор гарантирует, что во время написания книги не принимал генно-модифицированных продуктов и прошел допинг-тест.

Автор выражает признательность Игорю Галанову.

Пролог

Курсор навигатора несколько раз моргнул и исчез с экрана.

– Пропали, – мрачновато заметил Сергей, сидевший на пассажирском кресле корейского хетчбэка.

– Здесь всегда плохо берет. Особенно после урагана. Вышку повалило, – пояснил Игорь, прибавляя газа и поглаживая лысую, как колено Розенбаума, голову.

– Зачем он вообще нужен? Одна дорога. Не заблудишься.

– Тренд... Должен быть, даже если можешь проехать вслепую. Опять-таки, аварии показывает, пробки.

– Да какие тут пробки? Лучше регистратор поставить. Больше пользы. И тоже тренд.

– Может быть. Вчера не успел. Но в следующий раз поставлю.

Стрелка спидометра, в отличие от стрелки навигатора, никуда не исчезала. И заползла далеко за предельно допустимую отметку.

– Не гони. Скользко после дождя.

– Не дрейфь, резина новая. А гаишников здесь никогда не стояло. Да и что нам гаишники? Верно?

Машина уверенно держала курс через жестоко потрепанный ураганом лес, хотя дорога местами не отвечала мировым стандартам. Совершенно не отвечала. Под каждой лужей могла скрываться коварная ямка, и хозяин авто рисковал оставить серьезную сумму в автосервисе. Пассажира это не очень волновало – тачка не его. Нравится ремонтировать – ради бога.

Поговаривали, что местные гаишники на общем собрании трудового коллектива постановили скинуться и отремонтировать трассу за свой счет. Никакой благотворительности. Львиную часть их доходов составляли штрафы за превышение скорости. Разумеется, личных доходов. А какое превышение на дороге, которую уместней назвать полигоном? Вместо запрещенной сотни, водители тащатся на ущербную двадцатку. И как прикажешь жить простому дорожному полицейскому? В общем, скинулись, нашли подрядчика. Но тот оказался жуликом и вором, сбежал с деньгами в столицу, где возглавил ячейку какой-то партии и на все вопросы о дороге отвечал воплями о происках политических врагов.

Встречные машины были редкостью, равно как и попутки. Впереди, километрах в пяти, – железнодорожный переезд, вероятно, возник затор возле шлагбаума. Да и время – раннее утро. Основной грузопоток пойдет через пару часов.

– Если переезд проскочим без помех, в десять будем на месте, – заверил Игорь, прибавляя еще немного.

Но тут же надавил на тормоз. В сотне метрах по ходу движения из кустарника коварно выглядывал нос патрульной машины ГИБДД.

– Черт! Откуда они? Да еще в такое время?

Экстренное торможение не помогло. Полицейский с радаром приветливо помахал полосатой палочкой, предлагая лихачам остановиться.

Игорь еще раз ругнулся, взял вправо, заехал на обочину, покосился на Сергея:

– Ваш выход, маэстро.

Гаишник неспешно, как и полагается уверенным в своей правоте людям, подошел к остановившейся иномарке. Он был одинок. В том смысле, что без напарника. Не исключено, тот спал в патрульных «жигулях».

– Лейтенант Гаврилов, – козырнул коп, – превышаем. Сильно превышаем.

Он показал радар, на котором отпечатались цифры «147».

Ответил Сергей:

– Извини, коллега. Спешим, – он развернул удостоверение, – участковый Михалев. Юрьевск.

Лейтенант явно огорчился. Радар тоже.

– В Зареченск едете?

– Туда. Командировочка.

– Слушай, коллега. Будь другом. Жена теще вещички собрала, а мне влом тащиться. Там одежда да для огорода кое-что. Адрес дам, это в центре. Выручи.

– Извини, – вступил в разговор Игорь, – мы в центр не поедem. Да и со временем напряг.

– Да ладно, – возразил Сергей, – что, жалко?

Повернулся к лейтенанту:

– Давай неси.

– Помоги, быстрее будет.

Сергей проворно выскочил из салона, убирая в нагрудный карман удостоверение. Направился следом за инспектором к его машине.

Игорь остался за рулем, не спуская с них глаз. Что-то настораживало в этой просьбе. Вещички передать в Зареченск? Значит, сам ты, милоч, из Юрьевска. А что ж здесь пасетесь? Это ж не ваша территория, а как раз зареченская.

Он бросил взгляд на машину.

«И где ж твой напарник, лейтенант Гаврилов? В такой глухомани в одиночку ловить лихачей стремно. Лихачи разные бывают. И ствол не успеешь достать. Да и с формой одежды непорядок. Кепочка явно великовата, сейчас на нос свалится».

Блин, а это что?!

Резиночки. Две резиночки на переднем номере. Даже на голубом фоне они смотрелись весьма заметно, как белые полосы от купальника на загорелом женском теле.

Игорь все понял.

Выскочил из салона, на ходу выхватывая пистолет:

– Назад! Это не менты!!!

Сергей, уже подхитивший к багажнику патрульных «жигулей», вздрогнул, обернулся.

– Быстро! Уходи!

Игорь держал ствол на изготовку, направляя его на гаишника. Сергей бросился обратно, по инерции прикрывая голову руками.

Лейтенант тоже выхватил пистолет. Только не из кобуры, а из бокового кармана форменных брюк. Присел на одно колено, прицелился в водителя.

Игорь выстрелил первым. Пуля скользнула по «жигулевскому» капоту и улетела в лес. Лейтенант тем не менее упал на траву и откатился за колесо. Кепочка слетела с головы – она действительно была на пару размеров больше.

Ответный выстрел прогремел не со стороны инспектора, а откуда-то сбоку, из леса. Он был единственным, но метким, видимо стрелок спокойно держал Игоря на мушке. Пуля попала последнему в плечо, пробила его насквозь и вошла в торс. Игорь вскрикнул, выронил оружие и завалился на бок.

Сергей подскочил к нему, подхватил выпавший пистолет и пару раз пальнул в сторону кустов, из которых стреляли в Игоря. Сделано это было скорее автоматически, нежели сознательно. Что толку палить в того, кого не видишь? Удирать надо, удирать, каким бы смельчаком не был. Или хотя бы укрыться за машиной.

И это стало роковой ошибкой. Лейтенант, оставшийся без призора, спокойно прицелился и выпустил пулю в спину участковому. Она попала точно между лопаток. Сергей попытался дотянуться до раны рукой, словно хотел сбросить с себя боль, но через мгновение рухнул рядом с лысым попутчиком.

Из кустов выскочил стрелок, сразивший Игоря. Ему было чуть больше тридцати, темно-зеленый костюм подчеркивал достоинства спортивной фигуры, а белые высокие кроссовки не подчеркивали ничего. Лейтенант поднялся с земли и тоже подбежал к лежащим.

Игорь уже не дышал, пуля попала в сердце. Сергей негромко хрипел. Парень в костюме прицелился из пистолета и пальнул ему в висок. На всякий случай проконтролировал и первого выстрелом в щеку.

– Сдурел, Гарик? Валить команды не было! – испуганно проорал гаишник.

– А сам чего стрелял?

– Так... Ты первый...

– Не будем считаться... Срубили они тебя, лейтенант Гаврилов. Не знаю как, но срубили. Давай берись!

Они подхватили труп Игоря и оттащили в бурелом. Со вторым сделали то же самое.

– Уходим, уходим! Тачка едет!

– Спокойно. Ты же в форме... Держи себя в руках, лейтенант.

Гарик открыл салон «корейки». Вытащил лежавшую на заднем сиденье черную спортивную сумку. Подхватил валявшийся на обочине пистолет.

– Вот теперь уходим. Кепочку не забудь.

Псевдогаишник сорвал с бампера «жигулей» липовые номера, швырнул их в салон. Подобрал кепочку с гербом России.

Через пять секунд они уже мчались по трассе в направлении Юрьевска.

А на лесной обочине осталась урчать корейская иномарка с заведенным двигателем и включенными габаритами. И на ее навигаторе по-прежнему не было курсора, словно не было и самой машины...

Глава первая

За два месяца до описанных событий

– Вот это ночной. Для всех типов кожи. Я такой маме подарила, она лет на десять помолодела! Серьезно! Моментально впитывается, текстура очень легкая. Здесь есть витаминная микроэмульсия и чуть-чуть магния для придания коже упругости. Но основа только из натуральных компонентов.

– И что за компоненты?

– Травы. Их собирают в Тибете строго в определенный срок.

– Это ж сколько надо травы! Вы представляете?

– Так и Тибет немаленький...

Видимо, никто из покупателей раньше не интересовался количеством травы в Тибете, поэтому и ответ прозвучал несколько глуповато. Но это и неважно. Главное, прозвучал моментально, с непробиваемой уверенностью в голосе. Как и должно быть у хорошего сетевого маркетолога. Или, говоря родным языком, – продавца всякой ерунды, распространяемой не через магазин.

В роли упомянутого маркетолога сегодня выступала кареглазая брюнетка лет тридцати, представившаяся Светланой, старшим менеджером по продажам. В роли покупателя – дама более старшего возраста, но менее привлекательная снаружи. Ей в большей степени помог бы нож пластического хирурга, нежели тибетские крема. Но нож – это больно и дорого, а крем – приятно и сравнительно дешево.

Сам акт купли-продажи проходил в гостиной трехэтажного особняка, жить в котором не побрезговал бы и король Артур. Интерьер был стилизован под средневековый охотничий замок. Гигантский камин, отполированные до зеркального блеска доспехи и оружие на стенах, олени рога и голова убитого безвинно медведя со вставленным в пасть флажком Гринпис. Чучело рыцаря у двери. Вместо ковра – шкуры несчастных животных. Батальное полотно размером два на три в массивной золоченой раме – битва при Пуатье. Под ним резной трон с подлокотниками в виде львиных голов. И прочие мелочи, типа небрежно прислоненного к подоконнику древнего арбалета или набора стилетов, воткнутых в доску-мишень. Плазменная панель, дабы соответствовать антуражу, была тоже вставлена в золоченую раму, а пульт стилизован под мушкет. Валявшийся на диване планшетник защищал костяной футляр, украшенный родовым гербом.

Хозяйка, однако, одеянием мало соответствовала дорогой обстановке. Сиротский, вылинявший халатик китайского производства, сильно поношенные шлепанцы на босу ногу, бигуди в волосах. Дамы, обитающие в подобных особняках, обычно предпочитают пеньюары из натурального шелка, а волосы укладывают в салонах красоты, благо их сейчас на каждом углу. И не пользуются услугами сетевых маркетологов. Из чего следовал вывод, что дом, скорее всего, леди не принадлежит. Либо она жадная до неприличия. А если не она, так ее вторая половина.

Жадная леди сидела в старинном кресле, старший менеджер Света – напротив, на дубовом табурете. Коробочки с кремами стояли на клеточках шахматного столика, словно фигуры, готовые к схватке. Возле брюнетки – старинный кубок с современным апельсиновым соком. Отличная сюжетная сцена из быта современности. Будь художник Вермеер нашим современником, он наверняка вдохновился бы на новый шедевр «Сетевой маркетинг».

Пока хозяйка, чьи глаза уже нуждались в линзах, пыталась разобрать надписи на упаковке, гостя рассматривала обстановку. На камине – фотографии в рамках. На одной из них породистый муж лет сорока пяти в окружении не менее породистых господ, некоторые из которых в полицейских мундирах. Фон – накрытые столы в дорогом ресторане, кажется «Лазурном».

берегу». Все улыбаются, словно статисты на съемках предвыборной рекламы правящей партии. На рекламе других партий персонажи, как правило, недовольные.

– Ваш муж полицейский? – кивнула на фото Светлана.

– Нет... Аркадий спонсировал День полиции... А есть что-нибудь от морщин под глазами?

– Конечно! – Брюнетка мгновенного выхватила с доски круглую коробочку. – Крем с очень высокой концентрацией растительного комплекса. Стимулирует синтез фибробластов. Плюс экстракт календулы и сливы.

Старинное правило маркетологов – чем больше непонятных слов, тем больше шансов на успех. Фибробласты...

– Календула тоже из Тибета?

– Нет... Наша, родная. Она успокаивает кожу.

Хозяйка взяла со столика зеркальце в роговой рамке, посмотрелась и без тени иронии произнесла:

– Да у меня вроде спокойная...

– Эффект почувствуете уже через неделю. А вот еще отличный крем. С минералами Мертвого моря.

Девушка протянула руку к дальней коробочке-фигуре, нечаянно зацепив локтем кубок с соком. Он опрокинулся на паркетный пол очень удачно. Точно в промежутке между шкурами.

– Ой, извините ради бога...

– Ничего страшного, – хозяйка быстро поднялась с кресла, – сейчас вытру.

Слуг в доме не имелось, что тоже намекало на прижимистость хозяев. Либо слуги приходили раз в неделю для уборки замка.

Едва дама покинула гостиную, маркетолог быстро достала из сумочки смартфон, на цыпочках подошла к камину и пересняла все фотографии, стоявшие на нем. Затем переместилась к дивану и включила планшетник, прислушиваясь к звуку шагов. Увы, ей не повезло, он оказался под паролем. Заметив возле дверей мусорную корзину, загримированную под деревянный бочонок, подошла к ней и осмотрела содержимое. Нашла несколько магазинных чеков и квитанций на оплату мобильного. Сунула в карман джинсов. Окурки вынимать не стала. Еще раз оглядела гостиную. Ее явно интересовали предметы, несущие информацию о хозяевах. На дорогие женские часики и ювелирные безделушки, лежавшие на дубовом комод, она не обратила никакого внимания. С подобных предметов информацию считывал только старина Холмс.

Но много собрать не удалось, звук шлепанцев предупредил, что пора возвращаться к столику. Что и было незамедлительно проделано.

Хозяйка вернулась со шваброй и влажной тряпкой, когда-то работавшей полотенцем, теперь вышедшим на пенсию. Вытерла разлившийся сок, прислонила швабру к подоконнику. Вернулась к столику.

– Я беру этот и этот, – она пододвинула к себе две коробочки. Сколько с меня?

– Две семьсот. Но я бы советовала купить комплекс. Это всего на тысячу дороже, зато у вас будет все. Я и себе взяла такой же. Посмотрите – вот здесь была морщинка, – брюнетка пальчиком показала на уголок правого глаза, – а сейчас гладко, как у девочки.

– Хорошо, – пару секунд подумав, согласилась дама в халате. После повернулась к двери и дважды прокричала: – Аркадий! Аркаша!!!

На зов со второго этажа спустился рыцарь. Хозяин замка – тот самый породистый дядька, что улыбался с фотографий. Он предстал перед дамами в парчовом халате, тапочках с помпонами и сеточкой для укладки на предательски лысеющей голове. Выражение как у болельщика футбольной команды, всухую продувшей аутсайдеру. В правой руке айфон с доносящимися из него мрачными сардоническими звуками «Angry Birds».

Не поздоровавшись, он придиричиво осмотрел маркетолога, словно эмир свежую наложницу. Потом перевел взгляд на даму:

– Лен, я чего, мальчик? Сколько раз просил – подойти, спроси, а не ори на весь дом. Я работаю, между прочим.

– Ой, Аркаш, ну ладно... Дай пять тысяч, тут комплекс очень хороший. От морщин. Хозяйка накинула еще тысячу, что подтверждало вывод о сквалыжности супруга.

– Ровно пять? Так не бывает.

– Четыре восемьсот. Я округлила.

– А от вредности комплексов нету? Я б тебе купил парочку. Сдачу не забудь взять.

Он извлек из халата «кирпичную» купюру, бросил на столик, еще раз посмотрел на маркетолога и убрался из тронного зала.

– Вот так всегда, – негромко произнесла дама, – вы бы видели, как он ухаживал до свадьбы. Словно принц багдадский. А теперь копейку не выпросишь... Увы, в быту принцев нет, одни нищие... У вас сдача будет?

– Конечно.

Отсчитав нужную сумму, Светочка поднялась с табурета и взяла сумку. У сетевого маркетинга и разведки есть объединяющий принцип – надо вовремя сваливать.

Во дворе парень лет тридцати ковырялся под капотом хозяйского джипа. Когда она проходила мимо, он мило улыбнулся и предложил отвезти куда угодно, хоть на край земли, хоть за край.

– Спасибо... Не беспокойтесь, – отказалась Светочка, – я поймаю частника.

– Как хотите... Опасно садиться в машину к незнакомцам.

Обвиненный в скупердяйстве рыцарь тем временем поднялся в рабочий кабинет, доиграл уровень на айфоне и подошел к окну. Приоткрыл жалюзи и посмотрел вниз. Девушка-продавец, увлекая за собой сумку на колесиках, пересекла заможенный камнем двор замка и скрылась за высокой оградой, стилизованной под крепостную стену. Через несколько секунд она показалась на дороге, ведущей к трассе. Там вскинула руку, останавливая попутку. Третья по счету машина – ярко-красная «девятка» – притормозила, девушка через пару минут, очевидно поторговавшись, забралась на заднее сиденье.

Хозяин замка опустил жалюзи, присел к рабочему столу и загрузил следующий уровень.

В салоне красной «девятки» сегодня пахло «Кензо» и голосила группа «Сиалекс». Накануне здесь витал дух туалетной воды «Адидаас». Владелец авто чередовал запахи, благо не был женатым и мог тратить все заработную плату исключительно на себя, собрав дома внушительную коллекцию парфюма.

– Ну что? – Он посмотрел на пассажирку через зеркало заднего вида.

– Один комплекс продала.

– По Сантане что?

– Ничего... Он дома оказался. Не буду же я при нем спрашивать, кто из ментов приезжает в гости, и о чем они беседуют. Фотку пересняла. Со Дня милиции. Да пару чеков нашла.

Девушка протянула мобильник.

– Это я и так знаю...

– Я предупреждала. Надо ставить реальные задачи. А не абстрактные. Сходи туда – не знаю куда. Узнай то – не знаю что. Коля, если тебе в следующий раз понадобятся бумаги, чтобы натолкать в дело, так и скажи. Я напишу.

– Чего ты такая суровая сегодня?

– Вообще-то, установку сделать – не в цирк сходить. Можно и по голове заработать.

– Но не заработала же... Крем, обратно, продала... Свет, все нормально. Куда тебя? В отдел?

– Да, – буркнула поддельный менеджер.

Старший оперуполномоченный отдела собственной безопасности полиции Николай Васильевич Бойков, служивший родине в чине майора, еще раз глянул в зеркало и перестроился в левый ряд.

– А вообще, как у него?

– Рыцарский замок. Не хватает только медведя на цепи и лошадей в конюшне.

– Тоже мне, граф де ля Фер...

Сантана, как и большинство состоятельных господ, начинал с малого предпринимательства – в девяностых, сколотив коллектив, обкладывал данью ларьки и заведения общепита. Поднявшись на ноги, попытался перейти к более серьезным вещам – углеводороды и лес. Но в процессе окучивания данной грядки был посажен на три года по политическим мотивам. После освобождения бизнес не бросил. Бензиновый рынок, увы, был застолблен, соваться туда смысла не имело, и тогда Аркаша решил заняться более перспективной и актуальной темой – распилом городского бюджета. Для чего снова сколотил коллектив. Но уже не столько из спортсменов, сколько из чиновников, в том числе носящих погоны. По его протекции назначался вице-губернатор, отвечающий за денежную отрасль, например ремонт дорог. Ну а дальше по отлаженной схеме. Тендер – перевод средств – отчет – рыцарский замок. Если кто-то чем-то был недоволен или протестовал против тендера, подключались спортсмены.

Но все это бездоказательные грязные слухи. А дороги мы ремонтируем. Просто у нас климат плохой.

Бойкова, прежде всего, интересовали члены коллектива, носящие погоны. Но совместная пьянка с рыцарем даже в очень дорогих ресторанах – это не повод для серьезного преследования. Нужно что-то более конкретное.

– Слушай, а крем настоящий? Или фикция?

– Не задавай идиотских вопросов.

Света злилась не только от того, что ничего не смогла узнать. И не потому, что выполняла, в общем-то, бесполезное задание. К этому она привыкла. Многим действительно нужна формальная отписка в дело. Показать активную работу.

Она злилась совсем по другой причине. Этот гад Бойков ничего, совершенно ничего не сказал по поводу ее новой прически. А она старалась, на салон потратила кучу времени и денег. Хоть бы для приличия комплимент сделал! А он про крема.

Крема, к слову, были настоящими. Пять лет, проведенных Светой в оперативно-поисковом управлении, не прошли даром. Она научилась обставляться. И сейчас, перейдя в ОСБ, а точнее в отделение специальных разработок, на полную использовала свой богатый опыт. Сетевой маркетинг – довольно удобный способ проникнуть в любое жилище для получения информации. Иногда достаточно позвонить человеку по городскому телефону и предложить косметику. Как, например, сегодня. Могут, правда, и послать, тогда в ход пойдет иная легенда. На случай, если человек решит перезвонить и проверить, оставлялся телефон диспетчера. Да и лишний заработок не огорчит. Приказами такой бизнес запрещен, но умный начальник поймет и простит. А их начальник не слыл дураком.

И даже в мелочах она старалась не фальшивить. Поэтому «поторговалась», прежде чем сесть в машину. И забралась на заднее сиденье. За ней могли наблюдать. Сантана не только в игрушки телефонные умеет играть. Иначе не жил бы в рыцарском замке.

Однако!.. Никаких знаков внимания! Ни одного! Словно она инструмент! Задание – отчет – новое задание!

Почему такая несправедливость? Чем она хуже других Колькиных барышень? И не уродка вроде. Что ему надо?

Как всякий опытный разведчик, Светочка всегда имела запасной вариант:

– Ой, Коль... Мы мимо меня поедем... Мистика какая-то. Я тогда пришла из кино, а холодильник сломался.

– И что тут мистического?

– Ну фильм-то про что был, помнишь? Про бунт машин.

В кино его затащила она. Пospорили однажды о какой-то ерунде. Условились, что в случае Колиного проигрыша он ведет ее на блокбастер. Он проиграл. Но, увы, культпоход в кино ограничился именно кино. Никаких поползновений с мужской стороны, никаких мест для поцелуев. Чисто по-пионерски. Даже до квартиры не проводил. И не потому, что сюжет оказался не про любовь.

– Ты в холодильниках разбираешься?

В холодильниках, если верить подруге-коллеге Ольге Гориной, Бойков разобрался.

– Ну так...

– Может, посмотришь?

– Да там просто все, – Коля даже не попытался притормозить, – внутри колесико. Скорей всего, оно на максимуме. Поверни на пару отделений против часовой стрелки – и никаких проблем.

– А если там нет колесика?

– Тогда это не холодильник, а микроволновка... Ха-ха-ха...

«Гад, гад, гад!!!»

Неприятно, когда тебя унижают, а ответить невозможно. Вдвойне обидно, если унижают в присутствии коллектива, используя при этом обороты, запрещенные с недавнего времени к употреблению в медийном пространстве.

Анатолий Сергеевич Сычев, начальник территориального отдела полиции, человек с походкой пингвина, упомянутые обороты уважал и с удовольствием употреблял по любому поводу и без. А уж если отчитывал подчиненного, то совершенно забывал про цензуру. У нас здесь не светский раут, не телешоу и не пресс-центр, у нас – рабочий кабинет. И плевать – есть коллектив или нет, хорошо тебе или плохо. Накосячил – получай с отяжкой!

Упомянутую походку он унаследовал от прадеда, якобы покорявшего Антарктиду и долгое время жившего среди императорских пингвинов. Да, похоже, не только походку. Когда Анатолий Сергеевич волновался или отчитывал подчиненных, непроизвольно хлопал руками по бедрам, словно пингвин крыльями. А нос с горбинкой, похожий на клюв, окончательно добивал имидж руководителя.

Объект начальственного гнева – молодой участковый инспектор Сережа Михалев, стоявший перед Сычевым, искренне не понимал, в чем его вина. Он съездил в больницу, откуда в отдел пришла телефонограмма о получении гражданином легких увечий. Поговорил с потерпевшим мужиком, записал объяснение, взял заявление, справку уточненного диагноза. Доложил... А теперь его имеют в хвост и в гриву, да еще в присутствии коллег.

– А чего я не так сделал-то?

– А ты еще не понял?! Запомни, милый мой, – Сычев кончиком галстука вытер слюну с подбородка, – прежде чем брать с человека заявление, поинтересуйся, чего он хочет. Спросил?

– Так там грабеж! По любому пришлось бы брать.

– Да что ты говоришь?! А если он от любовницы шел, и ему эти уголовные дела как серпом по бубенцам... Или, вообще, в курсе, кто его грабанул... Эх... А нам глухарь по тяжкому! Да еще перед итоговым совещанием за квартал!

– Если б не хотел, не написал бы...

Аргумент не прошел. Крылья в очередной раз стукнули по бедрам.

– А вы-то что не подсказали? – Пингвин перевел строгий взгляд на сидящих возле стены коллег Михалева – работающих с Сергеем на опорном пункте участковых Сапрыкина и Машкова.

– Так думали, Серега знает, – буркнул последний, вечно хмурый майор, напоминавший профессора Мориарти из отечественного фильма, – не первая же телефонограмма.

– Знает... Если вместо службы халтурить, то скоро свое звание забудешь!.. Кто, вообще, этот потерпевший? – Грозный клюв снова повернулся в сторону Михалева.

– Работяга... Строитель. Срубы делает, бани.

– Значит, дерево, – заключил шеф, – иди, как хочешь с ним договаривайся, но чтобы глухаря нам не было.

– Анатолий Сергеевич, а почему мне материал?

– А кому?!

– Операм... Тут же без лица... Неочевидное.

– Ты напортачил, а операм разгрести? Нет уж, милый мой! Сам давай! Завтра же поезжай в больницу! Садись.

Сергей опустил на стул. Он, конечно, уже разбирался с подобными материалами. Но все они были «с лицами». Муж жену побьет или сосед соседа. Всё очевидно. И вчера, передавая ему материал, дежурный сказал, что мужик знает, кто его отдубасил. Потом выяснилось, что девочка из приемного покоя больницы напутала. А мужика банально ограбили в подворотне неизвестные, когда он шел домой с парковки. Отобрали бумажник, мобильник, часы... Никого не запомнил. «Двое. Молодые, здоровые...» Отличные приметы! Ни у кого таких нет! Очнулся в «скорой», вызванной сочувствующими гражданами, не прошедшими мимо. Диагноз болезненный – перелом ребер, сотрясение мозга, ушиб мягких тканей. Никакого алкоголя в крови, никакой травмы в моче.

И что должен был сделать Сергей? Спросить у ограбленного: «А что вы, собственно, хотите? И не желаете ли написать, что нечаянно упали?» Ага. Чтоб потом прокуратура спросила у него самого – а почему вы, товарищ участковый, занимаетесь укрывательством преступлений? Присесть захотели?

А спросить могут. Проверяют по любой ерунде, потерпевшим звонят. Время нынче либеральное и реформаторское.

С другой стороны, Сычева не пошлешь и не заявишь: «Закон превыше всего!» Завтра же снимет с очереди на жилье. Вот и весь закон. А Сережа ради жилплощади в участковые и шел. Других вариантов получить свой угол для него не существовало.

Значит, придется тащиться в больничку и обрабатывать работягу, рискуя заработать уголовную статью. Либо быстро найти грабителей, что с учетом обстоятельств так же реально, как отыскать на своем участке гробницу фараона.

Как в любом отечественном учреждении, большинство серьезных вопросов в отделе собственной безопасности города Юрьевска решалось в курилке. Производственные, личные и бытовые. Тем более что курилка располагалась во дворе, гарантируя относительную конфиденциальность разговора. И, даже если сотрудники не гробили себя никотином и продуктами горения, все равно приходили сюда – под табличку «Места для самоубийц». Прежнюю табличку «Место для курения» убрали после введения антитабачного закона.

Удачливый маркетолог Светлана Юрьевна Родионова сразу после возвращения направилась в этот заветный уголок, хотя не курила. Вызвонила по мобильнику подругу Ольгу Горину, оторвав ее от производственной гимнастики для пальцев.

– Не получилось с холодильником, – посетовала разведчица, едва Ольга Андреевна присела на лавочку, – не знаешь, он что-нибудь еще умеет? Или что любит? Бильярд, там, керлинг, футбол.

– Не майся дурью.

– Мне б подходик нащупать. Дальше дело техники. Где слезу пустить, где пошутить, где посочувствовать.

– Подходик, – усмехнулась подруга, как обычно усмеваются старики, глядя на новобранцев, мечтающих поспать, – это ж не стратегия компьютерная. Так бы все друг к другу коды подбирали... Свет, ты еще установку на него сделай и по учетам пробей... Он же тебе не фигу-

рант. Не путай внедрение с жизнью. Ничего хорошего из этого не выйдет, уж поверь... И потом. Я одну вещь заметила. У нас ведь тоже девчонки есть. Свободные и симпатичные. А Колька, притом что бабник, в их сторону даже не смотрит. Я сначала не понимала, а потом их разговор с Чистовым услышала. Случайно. Нехорошо, конечно, но... Только между нами.

– Могила.

– Он принципиально не заводит служебных романов.

– Почему?

– Не догадываешься? Легче рвать отношения. Погулял месяц-другой – надоела, бросил. А когда дама каждый день перед глазами мелькает? Попробуй отшей...

– Так... А зачем отшивать?

– Да он не нагулялся еще. Свет, я понимаю – симпатичный, холостой, не бухает... Но... Не зацикливайся... Такие до пятидесяти не женятся.

Разведчица явно огорчилась от услышанного, но старалась держать себя в руках, а не кататься по земле и рвать волосы, уничтожая новую прическу.

– Да при чем здесь женитьба? Я за него замуж не собираюсь!

Сказано было без удара кулаком по скамейке, но достаточно решительно. Как коммунистом на антирелигиозном митинге: «Бога нет!» Ольга не то чтобы сильно удивилась, но вопрос в ее глазах читался:

– Погоди... Ты, вообще, как к нему относишься?

– Не знаю... Сначала нравился... А сейчас... – Разведчица пожала плечами, словно проворовавшийся подрядчик, вместо городской больницы построивший личный особняк. – Да какая разница?

Теперь в глазах подруги читался очень большой вопрос. Еле помещался:

– Тогда зачем все это?

– Оля, дело принципа. Понимаешь? Я рано или поздно своего добьюсь.

– Не понимаю... Свет... Какой принцип? Чего добьешься? Допустим, будет он за тобой бегать. А что дальше? Ладно мужики – им лишь бы самолюбие потешить да в компаниях бра-вировать. Поиграют и бросают. Но ты-то?

– А вот пускай хоть разок почувствует, как быть брошенным. Ему, выходит, можно, а мне нет?

– Ну почувствует. И что? Будешь ходить королевой? Поверь мне – не будешь.

Вообще-то, бросать Кольку разведчица не планировала. Пока она хотела его только завоевать. А там посмотрим. Но насчет принципов не лукавила. Задело ее, больно задело.

– Свет, ты в разведку не наигралась? – не успокаивалась Горина. – Так вон, иди оборотней лови. А хочешь счастья – влюбись, чтоб крышу снесло... Дело принципа... Странные у тебя какие-то принципы.

– Нормальные, – хмуро буркнула Светочка, понимая, что Ольга в чем-то права. Но природное упрямство не позволяло этого признавать.

– А что касается методов обольщения, – Ольга сменила тон на более мягкий, – есть только один метод.

– Какой?

– Плакать и смеяться по-настоящему.

Обрабатывать потерпевшего в больничной палате, в присутствии посторонних, все равно, что избивать задержанного в кабинете прокурора. У всех мобильники – запишут, и завтра – заслуженная слава на весь Интернет с соответствующими комментариями. Идиотом в глазах онлайн-общественности прослыть не хотелось. Поэтому Сергей предложил ограбленному работяге выйти во двор больницы, благо погода стояла теплая и приветливая, располагающая

к медитации. Да и аромат поприятней. А то потом неделю от формы будет пахнуть хлоркой, кислыми щами и чужим потом.

Потерпевший уже встал на ноги, мог передвигаться самостоятельно и не возражал против прогулки. Ему шел тридцать пятый, небольшая борода-эспаньолка делала его похожим на певца Михайлова, а повязка на голове – на командира Красной армии Щорса. Сергей про себя окрестил его Щорсом Михайловым. Про Щорса Сергей знал потому, что учился в школе его имени.

Шутки шутками, но объяснить взрослому, дееспособному человеку, что его не ограбили, а он просто случайно загремел, переломав себе ребра, – задача, не подвластная даже Гарри Поттеру. Волшебная палочка загнется после первых слов. Но Гарри еще колдовать и колдовать до наших полицейских. Начать Сергей решил с главного, воспользовавшись советом опытного наставника Никиты Сапрыкина:

– Леонид Анатольевич, а ущерб для вас значительный?

– Да какой там ущерб? В бумажнике кредитка, но я ее заблокировал. А мобильник – старье, все равно менять собирался. Обидно просто. Гопота поганая... А почему вы спрашиваете?

– Понимаете, – Сергей присмотрелся к кусту шиповника, словно подозревая, что в нем притаился прокурорский работник, – мы все равно будем их искать... Но за ваш грабеж вряд ли посадим. Вы же их не запомнили.

– И что?

– Если возбудят дело, вас затаскают в следственный департамент. Уж поверьте. Ничего это не даст, кроме потраченного времени и нервов. Да и нам не подарок. Вместо того чтобы реально искать – отписываться будем.

– Так не возбуждайте... Мне все равно.

– Правда?! – явно обрадовался участковый, не научившийся за не долгий срок службы скрывать свои эмоции.

– Не люблю, когда таскают. Да еще в органы.

– В таком случае надо объяснить ваши травмы как-нибудь по-другому.

– В каком смысле? Метеорит упал?

По нынешним временам, не такая уж и фантастическая вещь. Падают.

– Нет, не метеорит... Например, оступились...

– Это ж как оступиться надо, чтоб два ребра сломать?

– Вы оступились на лестнице, – тут же подсказал Михалев, – скатились, сломали ребра и ушибли голову. По-моему, очень реально...

А телефон и бумажник забыли в машине, а потом нашли. У вас же сотрясение мозга, могла ухудшиться память.

– Но я же уже написал, что меня ограбили.

– Кроме нас с вами, это пока никто не читал...

– Н-да... – Леонид Анатольевич, он же Щорс Михайлов, поправил повязку на голове, – отличная версия... Бросайте свою работу и беритесь за перо. Заработаете денег больше Донцовой.

– Поверьте... По сути, это ничего не меняет, – заверил Сергей, про себя добавив: «Кроме статистики и шансов на квартиру».

– Ну хорошо... Пишите... Мне без разницы.

– Спасибо.

Опорный пункт охраны общественного порядка номер два, где трудился Сергей, находился в паре километров от отдела полиции и ютился на первом этаже небольшого жилого дома. Всего при отделе было четыре «опорника», раскиданных по территории. Так гораздо удобней с точки зрения организации производства. Гражданам не приходится таскаться в

отдел, чтобы пожаловаться на соседей. Да и участковым сподручней обслуживать население. Иногда даже из подъезда выходить не требуется. Поднялся на нужный этаж и разобрался с дебоширом.

Само помещение представляло собой большую комнату с четырьмя столами и клеткой в углу, наподобие тех, что стоят в залах суда. Для антиобщественного элемента. Отдельно туалет и прихожая со стеллажами, на которых хранились папки учета и прочая макулатура.

Помимо Сергея, здесь несли службу еще трое. Упомянутые Никита Сапрыкин – капитан полиции тридцати с небольшим лет от роду – стройный красавец-блондин, заметив которого даже старушки приосанивались и поправляли волосы. Петр Егорович Машков – майор-ветеран, считающий месяцы до выслуги. Когда он проходил по территории, дети плакали, собаки скулили, кошки разбегались, а мелкие хулиганы сразу прятались в тень. Вот такое лицо у человека.

И последний – старлей Володя Седых, отработавший на участке пару годков, но уже получивший служебную жилплощадь – однокомнатную квартиру в полуподвале соседнего дома. Отвоевав в острой конкурентной борьбе квадратные метры, не ушел на гражданку, ибо тут же мог этих метров и лишиться. И денег за ремонт никто не вернет. А в двадцать восемь лет оказаться на улице – несолидно даже для офицера полиции.

Возвратившись из больницы, Сергей застал именно его. С нескрываемой радостью поделился профессиональным достижением.

– Сам, сам упал! Небываемое бывает!

– Ты бы не трепал об этом, – посоветовал Седых, – дело-то подсудное... И старое объяснение не выкидывай, а спрячь. На всякий случай. Вдруг мужик передумает, жалобу накатает... Только не дома прячь. Чтобы под рукой было.

– А куда? В сейф?

– Эх, молодость-молодость, – вздохнул Седых, словно был старше коллеги лет на сорок, – как ты думаешь, откуда произошло сочетание «поджопные материалы»?

– Видимо, от слова стул.

– Да ты догадлив не по годам... Когда к тебе придут с обыском, например ОСБ, они будут искать везде, кроме стула, на котором ты сидишь. Или сами на него сядут. Усек?

– А они разве об этом не знают?

– Знают. Но все равно забывают. Так устроен человек. Даже помня, в каком кусту прячутся гаишники, каждый раз превышает скорость.

Сергей тут же воспользовался советом – вынул у стула сидалище и положил в пустую нишу первое объяснение Щорса Михайлова. Вернув седушку на место, опустился на нее и, напевая песенку про опасную службу, принялся печатать на стареньком компьютере постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Потому что Леонид Анатольевич Сатин упал с лестницы, а значит, события преступления не установлено. После того как постановление подпишет пингвин Сычев и утвердит прокуратура, материал пойдет в отделенческий архив, а через три года – в шредер или печь, принося людям тепло и свет.

Иногда прокурорские перезванивают потерпевшим, но Сергей на подобный случай проинструктировал «упавшего». Можно не волноваться.

Поволноваться, однако, пришлось. И довольно скоро. Через пару недель «упавший» Сатин позвонил ему на мобильный и предложил срочно встретиться, мол, появилась проблема с его заявлением. По телефону ничего не стал объяснять. Встречу назначил в час дня в ресторане «Дольче Вита», интерьер и обслуживание в котором напоминало гостям старую истину – чем слаще жизнь, тем горше цены. Это настораживало. Юрьевский рабочий класс в подобных заведениях пищу не принимает.

Сергей прибыл в заведение пешком. На свою машину пока не накопил, но мечтал. Зато ему очень шла форма полицейского. Поэтому вышибала сразу согнулся в легком поклоне и открыл дверь. У всего есть свои маленькие плюсы.

Щорс Михайлов сидел за столиком не один. С молодым человеком, напрочь лишенным волосяного покрова на голове. На обоих были не рабочие спецовки, а довольно дорогие костюмы. Сатин уже избавился от повязки. Лишь пластырь телесного цвета на правом виске подсказывал, что в его жизни не так давно случились интерактивные приключения. Заметив участкового, он тут же поднялся и отодвинул от стола свободный стул:

– Сергей Иванович! Прошу!

Участковый не возражал. Чистая тарелка и приборы намекали, что он сможет угоститься на халяву. А угоститься было чем. Пара диковинных салатов, блюдо с морепродуктами, сырное ассорти и ароматные соленья. Все это запивалось белым итальянским вином с потертой этикеткой, говорящей о выдержанности напитка и, соответственно, о высокой стоимости. Нет, не так питается пролетариат, не так. Никакой шавермы, газировки и жира в сухарях.

– Это мой компаньон. Игорь Темнов, – представил Сатин лысого собутельника.

– Здравствуйте, – протянул руку тот, – очень приятно.

Тут же появился официант и положил на стол папочку в сафьяновом переплете:

– Пожалуйста.

– Спасибо, я не хочу есть... Стакан воды, – Сергей прикинул, что за любое блюдо, упомянутое в папке, он оставит треть зарплаты.

– Сергей, не стесняйтесь, – успокоил Сатин, – я вас пригласил, я угощаю. Возьмите стейк из ягненка. Здесь его вкусно готовят.

– Нет-нет, – участковый, хоть и не обедал, но не поддавался на соблазн, – только воду.

– С газом или без?

– Чего?

– Воду газированную?

– А-а... Обычную.

Расстроенный халдей убрался. Хотя и не особо ожидал от полицейского достойных чаевых. Да и чего можно ожидать от человека, не знающего, что такое вода с газом.

– Как самочувствие? – из вежливости поинтересовался Сергей.

– Тьфу-тьфу, вчера сделали томограмму мозга, все извилины вроде на месте. Хотя голова побаливает, особенно по вечерам. Сергей, возьмите хотя бы салатик.

От салатика участковый не отказался, дабы не обижать гостеприимного потерпевшего. Положил пару ложечек, отпробовал. Лепота.

Но прежде всего дело. Обычно дорогой снедью угощают, если что-то от тебя хотят.

Не угадал.

– Я действительно строитель, – Сатин протянул визитку, – возглавляю фирму. Срубы, бани. Надумаете строиться, обращайтесь. Сделаем хорошую скидку.

– Спасибо. Пока не на что.

– Ну, как говорится, от суммы и от тюрьмы...

– Что вы хотели, Леонид Анатольевич?

– Мне вчера звонили из прокуратуры, – Сатин поправил салфетку, воткнутую за воротник.

Сергей предполагал, что именно по этой причине они и встречаются, но надеялся и на более позитивный повод. В животе неприятно защекотало. И срочно захотелось выпить, хотя участковый не поклонялся богу Дионису.

– И... И что?

– Интересовались, почему в больнице я сказал, что меня ограбили, а вам – будто упал сам.

– И как вы объяснили?

– Как договорились, – без тени волнения ответил Леонид Андреевич, отправляя в рот кусочек несчастного ягненка, – шел с вечеринки, упал с лестницы. Но, похоже, они не поверили. Крови-то в алкоголе нет... Ой, наоборот – алкоголя в крови. С чего падать? Завтра вызывают к себе. Я и позвонил вам – обсудить детали. Дело в том, что мои ушибы не очень соответствуют этой версии... Сергей Иванович, а может, рассказать, как было на самом деле?

Это совсем не радовало. Получишь тогда служебную площадь. В Нижнем Тагиле. На верхней шконке.

– Не стоит... У меня будут проблемы.

– Серьезные? Просто я не очень разбираюсь в тонкостях вашей работы.

– Как минимум, увольнение.

– А максимум?

– Статья за укрывательство... Но... Я хотел, чтобы вам было удобней.

– Конечно! Благодарю! – Сатин взял бутылку вина и, не спрашивая, будет ли участковый пить, плеснул ему в бокал на пару пальцев. – Угощайтесь! Великолепный букет.

Сергей выпил. Никакого букета не распознал. Вернее, ему было не до букетов.

– Не стоит о грустном! Вы хороший человек, и я скажу все, что надо. Только объясните задачу.

Михалев немного успокоился. Сатин не походил на шантажиста. Да и что можно получить от обычного участкового?

– Конечно... Например, в больнице придумали историю с ограблением, чтобы обставиться перед женой. Не хотели скандала, из-за того что выпивали. И что потеряли бумажник. А мне рассказали правду.

– Резонно! – Сатин повернулся к компаньону, – Она меня действительно пилит за каждую рюмку и каждую копейку, гы-гы-гы!

Игорь доброжелательно улыбнулся, мол, понимаю.

– А падая со ступенек, сломали ребра и ушибли лицо. У вас в доме есть ступеньки?

– Разумеется! Скажите, в каком доме их нет? Но я упал, если б спускался. А я-то поднимался.

– Смотря сколько выпить. Если много, это не принципиально. Думали, идете вверх, а шли вниз.

– В больнице зафиксировали, что я был трезв... Есть справка. Ноль промилле.

Сергей не сдавался. На кону ни много ни мало – свободное будущее и честь фамилии.

– Попросили врача, чтобы не писал про алкоголь... Опять-таки, из-за жены. Это реально?

– Более чем! – Сатин отведал устрицу, – Я даже заплатил ему. Он, конечно, это не подтвердит, что и понятно. Но в данном случае – все зависит от моих слов, а не от его. Я верно понимаю?

– Верно, – подтвердил Сергей, – если вы будете настаивать, что упали сами, никто не будет дальше копать.

– О'кей!

Леонид Анатольевич вынул салфетку, встал из-за стола.

– Так... Видимо, сначала я упал на спину, затем ударился виском, – он присел на корточки, – хм... Не очень получается. Ребра у меня сломаны справа, а голова разбита слева. Попробуйте сами.

Гостей в зале почти не было, Сергей решил провести следственный эксперимент. Тоже присел на корточки, после завалился на лежащий рядом ковер, словно актер, исполняющий роль раненого бойца. На что только не приходится идти ради спокойного светлого будущего. Официанты окаменели, точно мамонты.

– Все получается... Вы же могли удариться о перила, о стену... Господи, да никто не будет заставлять вас падать!

– Я делаю это исключительно ради вашего блага.

– Хорошо-хорошо, спасибо, – Сергей поднялся с ковра, отряхнулся и вернулся за стол.

Сатин тоже присел.

– Значит, остановимся на том, что я испугался жену. Она у меня страшная. В моральном плане.

– Да. Пусть будет жена.

Строитель бань сунул руку в карман пиджака и извлек мобильник:

– Не подумайте ничего плохого, Сергей Иванович... Я на всякий случай записал. Чтоб ничего не перепутать. А то после падения память зависать стала, как у плохого компьютера. Сегодня помню, завтра забуду. А это на века, ха-ха-ха...

В животе участкового защекотало так весело, словно там поселилась сколопендра. А во рту мгновенно пересохло.

Черт! Надо же так дешево подставиться! И музыка, как назло, в зале не играла, не заглушала разговор.

– Хотите еще вина, Сергей Иванович?

Участковый молча кивнул. Не отбирать же теперь мобильник. Впрочем, даже не будь мобильного и записи, прокуратура наверняка поверит строителю. Он – лицо незаинтересованное. Да и вообще, там сейчас верят исключительно гражданским.

Леонид Анатольевич подлил вина себе и Сергею. Лысый Игорь пил сок, видимо, был за рулем.

– За удачу! И хороших людей.

Они чокнулись и выпили. Сергей не закусывал. Не лезло.

– Зря не заказали горячее. Мясо здесь всегда свежее. Так и тает во рту.

– Спасибо, я тороплюсь. Служба. Позвоните, когда вернетесь из прокуратуры.

– Обязательно.

Сергей надел фуражку и поднялся:

– Всего доброго.

– До свидания... Ой, Сергей... Можно без отчества? Вы не окажете мне одну маленькую услугу? Раз уж я пошел вам навстречу...

Участковый для вида посмотрел на часы, после вздохнул и сел обратно за стол.

Все потуги заманить Николая Васильевича Бойкова в ласковые сети закончились провалом. Тот по-прежнему относился к Светлане Юрьевне исключительно как к коллеге по цеху. За прошедший с момента душевного разговора с подружкой Гориной месяц объект не подарил ни одного комплимента, даже шуточного. А она прям-таки нарывалась на комплименты. Старалась ежедневно менять гардероб – ну если не целиком, то хотя бы частично. Одну и ту же блузку два дня подряд не надевала. Выяснив у техника-самородка Чистова, что Коленька предпочитает блондинок, перекрасилась в светлый тон. Ноль на фазе. Почти все выразили свой восторг, кроме этого гада. Почему такая несправедливость? Другие слюни пускают, а плохой мальчик Коленька даже кофе не пригласит попить. Она бы согласилась и на растворимый.

Еще она узнала у золоторукого изобретателя, что недавно тот смастерил для Коленьки специальную галстучную заколку. С встроенным объективом. Так этот, прости господи, мудака оставил ее в ресторане в качестве залога! Поташил какую-то очередную пассию в кабак, та заказала деликатесов, в том числе устриц, и у кавалера не хватило денег! Так он секретную заколку заложил!

До заколки Свете не было никакого дела, но информация с рестораном огорчила. Даже мелькнула мысль об уходе из конторы. Если он не заводит служебных романов, значит, надо пожертвовать службой. Возможно, если через месяц ничего в их отношениях не изменится, она напишет рапорт. Ох уж эти принципы!

Самое смешное, если это можно назвать смехом, – она действительно не имела на Кольку серьезных видов. И не питала к нему тех высоких чувств, что описывают в романах классики вроде Шекспира и воспевают представители отечественной попсы вроде Михайлова и Натали. Просто обида взыграла. Почему на других у него время есть, а на нее ни секунды? Чем она хуже?! Что в ней не так?

Из доступных способов охмурения оставался еще один – из самых надежных. Слезы. Света, как любая актриса, могла заплакать безо всяких эмоций. Научили. И сегодня она этим умением воспользуется. Для начала надо, чтобы объект на нее разозлился и предъявил претензии, а дальше останется цепляться к словам. Как только он сорвется, включить «слезный краник». Двадцать пятая страница купленного на развале учебника «Как покорить мужчину». Наука.

Ничего не подозревавший охотник на оборотней действительно разозлился, прочитав написанную ею справку. И тут же побежал разбираться. Поймал на «Месте для самоубийц».

– Свет! Ну кто так справки пишет? Первый раз, что ли? Ни установочных данных, ни ссылок на источники! Что мне с этим делать? Елку украсить?

Светлана Юрьевна отреагировала спокойно, без крика, даже не поднявшись со скамеечки:

– Коля, установочные данные ты знаешь сам, а пробить источники дело пяти минут.

– А почему я должен делать твою работу?!

– Потому что я работаю не только с тобой. И просто зашиваюсь. Прекрати капризничать.

– Я тоже зашиваюсь! И что дальше?! Работу друг на друга спихивать? При чем здесь капризы? Халтурить не надо!

Допустимая норма была превышена, можно включать защитную агрессию:

– Коля, я тебе не подружка. Смени, пожалуйста, тон!

Она посмотрела на него словно Снежная королева на батарею центрального отопления.

– Упаси боже от таких подружек! – последовал адекватный ответ.

Сказано было явно на запале. Что вполне предсказуемо после таких-то королевских взглядов.

Ура! Получилось! Ключнул! Слезы – вперед! Быстрее, быстрее!

Сперва легкая растерянность, затем поиски предмета, которым можно нанести удар, но в итоге – разворот и подрагивающие плечи. От жалости не устоит даже палач.

– Свет... Извини, я не подумав... На автомате.

Она резко поднялась и вырвала из его рук справку. Горючие слезы лились по щекам. Поднеси спичку – вспыхнут.

– Когда говорят не подумав – говорят то, что думают! За что ты так со мной?!

Цитату она вычитала в каком-то женском журнале. Запомнила, чтоб применить в нужном месте в нужное время. Страница двадцать шесть учебника. Осталось быстро исчезнуть, не дав вымолить прощения. Вымаливать должен долго и мучительно. Страница двадцать семь.

Он не побежал следом, не извинялся, но и не бросил вдогонку: «Ну и пошла ты, дура!» А опасения, что прокричит, были.

В коридоре отдела Света сразу свернула в дамский туалет, вымыла потекшую тушь, подкрасила губы, припудрилась. В свой кабинет заходила без каких-либо признаков душевного расстройства. Все прошло как задумано. На экзамене по шпионскому мастерству она получила бы «отлично».

Коля же опустил на лавочку. И с минуту сидел с видом человека, с края небоскреба глядящего вниз и раздумывающего – прыгать – не прыгать?

Да, хреново вышло. «За что ты так?»

Действительно, за что? Ну подумаешь, бумажка какая-то?

Дело не в бумажке, конечно. И даже не в Светке. Будь на ее месте другая, тоже бы нагрубил. В последнее время он стал срывать. Иногда по совершеннейшим пустякам. Вчера наорал на мужика, слишком поздно стартовавшего на зеленый свет. И только потом заметил букровку «У» на стекле его машины. Сегодня на Светку. А от Светки он вообще ничего плохого не видел.

Что с ним такое? Вроде все нормально. Проблемы с работой? Так они и раньше были. У руководства на хорошем счету, на трансфер не выставляют. В коллективе никаких серьезных конфликтов. Здоровье, тьфу-тьфу, тоже не подводит. Женщины любят. Активно любят.

Та же Светка. Глазки строит. Симпатичная, кстати, бабенка, можно было бы замутить. Тем более, сама намекает. Замутить-то можно, но что потом?

Свободу терять не хотелось. Категорически. Достаточно посмотреть на некоторых коллег. Сплошное нытье, а не семейная жизнь.

Поэтому никаких служебных романов. Кто знает, как разрыв аукнется? Вон – Ольга Горина. Взяла да усадила своего бывшего...

Может, срывы из-за Олеси? Устроила на днях сцену ревности, еле успокоил. А что будет, если печать в паспорт поставить? Лучше сразу на виселицу. С Олесей, к слову, пора заканчивать. Тонко намекнуть на угасшие чувства. Не грубо, тактично, как он умеет. Придется, наверное, еще раз устрицами угостить. На прощание.

И перед Светкой надо извиниться. Ему с ней еще работать. Извиняться с пустыми руками несолидно.

Коля достал бумажник. Черт! Денег только на бензин. Дома лежит небольшая заначка, но заглаживать вину надо прямо сейчас. По горячим слезам, так сказать.

Через минуту он стоял перед техническим умельцем Антоном Ивановичем Чистовым – верным и безотказным кредитором, мастерившим очередной шпионский гаджет.

– Иваныч, тысячу не подкинешь до завтра?

– Заколка где? – вместо доброго ответа «конечно», злобно спросил техник, взяв со стола отвертку с остро заточенным жалом.

– Слушай, я завтра выкуплю. Все руки не доходят. То есть – ноги.

– Так она тебя и ждет.

– Тогда застрелюсь. Давай пистолет.

Чистов полез под мышку.

– На девок опять?

– А на кого ж еще? Светке Родионовой конфет хочу купить. Или винишка. Я сейчас ляпнул, не подумав, она разревелась... Как бы не прикончила.

– Светка? – с ухмылкой переспросил Чистов. – Да, она умеет.

– В каком смысле? – насторожился покоритель женских сердец. – Что умеет? Приканчивать?

– Реветь! Фокус это. Сама показывала. Когда захочет – заплачет. Я пробовал, ни хрена не вышло.

– О как! То есть ты предполагаешь, что она не такая простушка, какой прикидывается?

– Тебе виднее – у нас простачки не работают, – уклонился от ответа Чистов, понимая, что брякнул лишнего, – ну что, тысяча нужна?

Решить, нужна ли ему теперь тысяча, Коля не успел – в кабинет заглянул Гриша Жуков по прозвищу Маршал. Был он встревожен, как пожарный датчик, уловивший дымок.

– Коль, босс тебя ищет. Участкового из Северного убили. На зареченской трассе. В канаве нашли на обочине.

– Ножевые?

– Огнестрел. А рядом еще один. Гражданский...

– Ого. Как фамилия участкового?

– Михалев. Кажется, Сергей. Молодой, недавно работает.

Зареченекая трасса, как следовало из названия, вела в Зареченск – ближайший от Юрьевска крупный населенный пункт. Несколько серых деревень, в том числе и полностью опустевших, да браконьерские делянки – вот и все, что мог увидеть путник, решивший прокатиться по ней с экскурсией на «Ладе Калина». Остальное – леса, поля, овраги, лоси, медведи да дикая малина. Пронесшийся в прошлом году ураган «Оксана» превратил придорожную полосу в непроходимый бурелом. Очевидцы говорили в интервью, будто ураган поднял в воздух зеленый вагончик-бытовку, где базировались нелегальные таджикские порубщики леса, и унес его в сторону волшебной страны Украины. Больше вагончик никто не видел. Но новые порубщики появились уже на следующий день.

Коля отправился в путь вместе с Царевым – главой их непопулярной в полицейских кругах организации на своей личной «девятке» цвета бордо. Водитель служебного «форда» шефа отъехал на обед, дожидаться его не стали. Борис Дмитриевич, он же Царь Борис, Царь-пушка, он же Би Де, обещал компенсировать стоимость горючего, хотя Коля и не заикался про это. Шеф полностью опустил кресло, вытянув ноги. Это не понты, а больная спина. У всех нормальных людей боль обострялась, если ее застудить, а у Бориса Дмитриевича – на нервной почве. Позвоночник же искривился еще в детстве – тяжелый портфель и неудобная парта.

Погода навевала мысли о курорте. Добирались примерно час, рискуя угробить подвеску. Деньги, выделенные бюджетом на ремонт стратегической трассы, тоже унес ураган «Оксана». Только не в Украину, а подальше, предположительно на Кипр.

Место, где обнаружили убитых, находилось примерно посередине между Юрьевском и Зареченском, в самом эпицентре урагана. В дороге не строили никаких версий. Царев постоянно созванивался с дежурным и просил уточнить обстановку. Музыка Коля не включал.

Выяснить удалось следующее. На убитых натолкнулся нелегальный таджик, якобы приехавший в лес на мопеде. За грибами, хотя грибной сезон еще не наступил. Сначала заметил на обочине брошенную легковушку корейского производства. Двери в салон оказались открыты, что насторожило грибника. Но еще больше насторожили капли свежей крови на асфальте и пистолетные гильзы. Пройдя по следам волочения до ближайших кустов малины, он и обнаружил в них два тела. Оба были в гражданской одежде, оба с огнестрельными ранениями, причем у обоих контрольная дырка в голове. Трупы не маскировали, просто забросили в кусты. Не став проводить никаких оперативно-следственных действий, типа осмотра карманов, грибник тут же позвонил российскому бригадиру, а уже тот вызвал полицию и «скорую». Сам же нелегал немедленно убыл на родину от греха подальше, реально опасаясь, что убийство повесят на него. Приехавшие врачи подтвердили, что люди безнадежно мертвы, и смерть наступила около часа назад. Что давало надежду раскрыть убийство по горячим следам. Если, конечно, их удастся найти.

Прибывший первым наряд ГИБДД, обыскав покойных, обнаружил у одного удостоверения участкового инспектора Северного райотдела. Поэтому на место происшествия вызвали и сотрудников ОСБ.

Начальник северных Анатолий Сергеевич Пингвин-Сычев и его подчиненный опер Кирилл Павлович Копейкин уже делились мрачными впечатлениями с тремя представителями местного отдела полиции. Господа из следственного комитета и аппарата задерживались. Не наблюдалось и легких на подъем криминальных репортеров. У обочины суетились гаишники, подгоняя притормаживающие машины.

Коля пожал руку всем, кроме Копейкина. С этим орлом у него личные счеты. Обойдется. Потом аккуратно, чтобы не затоптать остатки следов, добрался до кустов. Покойников, в отличие от девушек, Коля не любил. В том смысле, что не мог без эмоций, спокойно, как настоящий профессионал, заниматься в их присутствии своими обязанностями. Несмотря на то что до прихода в ОСБ пять лет отработал в убойном отделе. Не научился абстрагироваться, не

покрылся защитным психологическим панцирем, как многие его коллеги, не стеснявшиеся рассказывать на месте убийства анекдоты или хвастаться любовными подвигами, совершенными накануне. А то и в города поиграть или по социальным сетям полазить.

Два молодых мужика. Алебастровые лица. Лысый в светлом костюме, второй в джинсах, белой футболке и курточке. Форменный ремень. Наверно, это и есть участковый. На плече лысого входное отверстие от пули. Небольшое черное пятно и бурый ореол. Вероятно, стреляли сбоку. Пуля прошла руку и попала в сердце. В районе щеки еще одна рана. У участкового волосы сбоку в крови – видимо, добивали в затылок. Возможно, есть ранения в спине. Вот такой, блин, интерактив. Тела пока не переворачивали, ждали медика и следователя. Криминалист – коренастый мужичок в разноске и бейсболке – уже работал, фотографируя канаву. Сзади на его разноске белело предупреждение: «Не топтаться! Следов много не бывает!» Его привезли Сычев с Копейкиным, захватив по пути. Как и в старые добрые времена, транспорта на всех не хватало. От эксперта пахло пивным перегаром, но это не мешало ему искать горячие следы, ползая по траве.

«За что ж вас так, мужички? Неужели опять из-за денег? Да уж всяко, наверно, не из-за любви».

Не задерживаясь долго, Коля вернулся к огороженной лентой машине потерпевших, рядом с которой Царев пытал Сычева, Копейкин осматривал багажник «киа», чем грубо нарушал ведомственные инструкции. Но сейчас дорога каждая минута. Может, следователь к утру приедет.

– Он рапорт написал, – докладывал начальник Северного отдела, по обыкновению хлопая крыльми, – по семейным обстоятельствам. На один день. Я отпустил.

– Что за обстоятельства?

– Якобы в Зареченске проблемы с сестрой.

– И часто он так отпрашивался?

– Пару раз было.

– С родней связались? Подтверждают?

Сычев снял фуражку, вытер вспотевший лоб:

– Не сообщали пока... Он с женой здесь живет, сестра в Зареченске, сам детдомовский.

Не знаю, как жене и сказать-то...

– Ладно...

Подъехала еще одна полицейская машина. Управление. Луноликий майор Слепнев из убойного отдела, курировавший резонансные дела. Короткое приветствие, поход к канаве, возвращение в компанию, вопросы.

– Второго установили?

– Да, – ответил из-за багажника Копейкин, – Темнов Игорь Петрович. Судя по визитке – замдиректора строительной фирмы. Срубы, бани.

– Звонили туда?

– Конечно. Хозяин сказал, что отправил его в Зареченск, в командировку. Он туда якобы постоянно мотался, там у них партнеры. Я велел сюда не ехать, ждать в офисе.

– Правильно... Поезжай туда сам, поговори.

– К жене б тоже надо заскочить, – не очень уверенно добавил Сычев, решивший переложить неприятную миссию на чужие плечи.

– Хорошо, заскочу, – без капризов согласился Копейкин, – только б машинку.

– Коля, – Царев повернулся к Бойкову, – давай с ним на твоей. Ты к жене, Кирилл в фирму. Я доберусь с кем-нибудь.

Коле совсем не хотелось везти этого партизана до города. Но ничего не поделаешь, придется терпеть. Еще меньше нравилась перспектива стать «добрым вестником». Реакция близких непредсказуема. Один раз он сообщил о смерти сына отцу-горцу. Так тот молча сходил

в кладовку, принес охотничье ружье и пальнул в Колю. Хорошо, жена успела поднять ствол. Потом батя, конечно, извинился.

Да и вообще, не самое приятное занятие. Как представишь себя на месте родственников... Нет, лучше не представлять.

– Хорошо, – кивнул Бойков, посмотрев на Копейкина, словно гладиатор на соперника перед поединком.

– Эй! – позвал криминалист, уже переместившийся от убитых на обочину: – Идите сюда!

Все тут же устремились на зов. Даже гаишники.

– Вон, смотрите, – он показал на валяющуюся в пыли рваную беленькую резиночку, которой обычно перевязывают денежные пачки. – Я сфоткал на всякий случай. Потом изъять надо. Свеженькая.

– В смысле? – не понял куратор Слепнев.

– Только выбросили. Резина быстро сохнет на солнце. Эта не высохла.

– И что?

– Иногда с помощью резинок на машину вешают липовые номера... Видимо, вешали, но одна лопнула. Вряд ли ее ураганом принесло. Тачка тут стояла, точно. След тоже свежий. Протектор хороший. Легковушка.

– А модель?

– Это к молодым из сериала «Отпечаток». Они даже год выпуска назвали бы и группу крови хозяина.

– Еще что есть?

– Обувка. Там, в канаве. Если это, конечно, не вы натопали. Давайте-ка ноги вверх.

Все, в том числе и только что прибывший Слепнев, согнули левые ноги в колене, демонстрируя подметки. И только Копейкин согнул правую, потому что был левшой. Эксперт по очереди обошел каждого, всматриваясь в протектор. Закончив, проверил собственные сандалии. На всякий случай. Бывали случаи, когда эксперты находили следы обуви, фиксировали их гипсом, фоткали, а потом выяснялось, что сами же их и оставили.

– По ходу, было еще двое помимо убитых. Один в кроссовках, второй в сапогах. Кроссовки редкие, можно установить внешний вид. Сапоги вряд ли. Сапоги и есть сапоги.

Все повернулись к сержанту ДПС, тоже обутому в сапоги. Тот занервничал, переводя ошалелый взгляд с одного на другого, словно оправдываясь. «Не губите, братцы! Не я это! Помилуйте! Вот вам крест!»

– У него размер не тот, – успокоил следопыт.

– Жаль... Но и на том спасибо, – недовольно прокомментировал Слепнев, словно рассчитывал, что злодеи оставят свои визитки, а лучше паспорта и мобильники с записью убийства, – гильзы чьи?

– Три «макаровские». Не травматика.

– Пистолет Михалева где? – обернулся куратор к Сычеву.

– В оружейке. Он сдал вчера, я проверял. На «постоянку» разрешения не имел.

– Скорей всего, ствол был у гражданского, успел пальнуть, – выдвинул версию Копейкин, – у него под пиджаком кобура. Думаю, промазал.

– На фирму поезжай, – вместо того чтобы сказать оперу спасибо, приказал Слепнев, – вечером в отдел, составлять план.

Раскрытие преступления без плана – что лампочка без Ильича.

Копейкин захлопнул багажник и пошел к машине Бойкова. Тот уже сидел за рулем.

На отъезде через открытое окно Коля услышал очередное указание человека с фамилией насекомого – Слепнева:

– Кто полицию вызвал?

– Вон, лесоруб.

– На пятнадцать суток его... На всякий случай.

Ничего не подозревающий бригадир репетировал в сторонке интервью для телеканала «Насилие», явно гордясь собой.

Первые пятнадцать минут ехали молча. Копейкин сел на заднее сиденье, подчеркнув свое недоброе отношение к охотнику на оборотней¹. Но на шестнадцатой минуте Коля вспомнил о профессиональном долге, который, как известно, превышает личных обид:

– Давно он у вас? Михалев?

– Три месяца. Колледж закончил, технический. Работу не нашел, пошел в полицию, участковым. Чтоб хату получить. Он после детдома у сестры жил, в Зареченске, сейчас у жены.

– А родители где?

– Говорят, сгорели. Деревенские...

– Что сам за человек?

– Вроде нормальный. Простоватый. Не бухал. Да и скурвиться вряд ли успел.

– Сейчас уже скурвленными приходят, – Бойков мрачным взглядом проводил встречную кавалькаду машин следственного комитета, – с кем он в отделе контактил?

– С Никитой Сапрыкиным. Тоже участковый. С его опорного.

– И тоже нормальный?

– Не знаю...

Вообще-то, Копейкин знал, но не спешил делиться компроматом на сослуживца. Кто такой Бойков? Что за перец? И как воспользуется информацией? В «собственной безопасности» тоже оборотней хватает. Лучше за Никитой самому понаблюдать.

Никита был мутным товарищем. «Мутных» от «не мутных» Кирилл научился отличать практически безошибочно, даже если те усиленно маскировались. Исключением оказался его напарник Леша Батраков. А Никита, в общем-то, и не маскируется. Пару раз Кирилл видел его на «ниссане». Выяснить, откуда у участкового такое авто, он не стал. Его дела – это его дела. Да и что тут необычного? Это лет пятнадцать назад ты был бы белой вороной. А нынче белая ворона тот, кто не ездит на крутой тачке.

Главное, самому не грешить по мере возможностей, пока силы есть.

Бойков больше ни о чем не спрашивал, видимо почувствовал, что Копейкин не настроен на откровенность. Включил радио. Новость о двойном убийстве уже долетела до массмедиа, репортеры не только раскрывали слушателям фабулу, но и пытались строить версии. Кто-то вспомнил про банду, охотившуюся на водителей и до сих пор не пойманную. В прошлом году две легковушки были найдены на трассе с застреленными владельцами. Может, это и не банда, а одиночка, но банда в эфире звучала красивее и ярче.

Да, случайный налет не исключен. Михалев поймал попутку. Либо Темнов – его знакомый, предложил подвезти. А дальше – любые варианты. И ограбление, и маньячные делишки. Но смутил боевой пистолет у гражданского. Значит, готовился к интерактиву. На въезде в городскую черту Копейкин подал голос. Голос по-прежнему не отличался дружелюбием:

– Слушай... Я насчет Ольги... Не поминает меня? – Еще как... Сплошные метафоры... На глаза лучше не попадайся. И мне, кстати, тоже.

Отношения Копейкина и Гориной нельзя описать в двух словах. В четырех можно. Нашла коса на гордость.² Каждый считал себя униженным и оскорбленным. И соответственно, правым.

– Постараюсь... Останови, дальше сам доберусь.

¹ О природе отношений Копейкина и Бойкова можно узнать, прочитав книгу «Идеальный охотник».

² О природе отношений Копейкина и Гориной можно узнать из той же книги «Идеальный охотник».

Коля причалил к обочине. Копейкин дверью не хлопал. Но и не прощался. Молча вылез из салона и направился к остановке маршрутного такси, где веселый гармонист распевал матерные частушки, зарабатывая на хлеб.

– Здесь кондитерский рядом, – прокричал вдогонку Бойков, – там гранаты шоколадные. Купи парочку.

– Уже купил, – не оборачиваясь, ответил Копейкин, – готовьтесь...

Кириллу Павловичу очень хотелось разбить фару бойковской «девятки» или лобовое стекло. А потом еще и морду этого остряка. Но интуиция подсказывала, что сейчас этого лучше не делать.

«На глаза не попадайся. Сам, блин, не попадайся».

Мужичок с гармошкой, заметив мрачную физиономию Кирилла Павловича, подмигнул ему и завернул такой куплетик, что покраснели даже голуби, бродившие по асфальту. Копейкин немного успокоился от подобной терапии и даже бросил куплетисту звонкий червонец. В иной ситуации привлек бы за мелкое хулиганство.

Маршрутка подошла быстро, начинался час пик. До офиса потерпевшего Темнова минут двадцать. Можно пока прикинуть, как построить беседу с его шефом. Сразу накатить или дать фору.

Но он ничего не прикидывал. И не двойное убийство его волновало, и не конфликт с Бойковым. Его в последнее время мало что волновало. Под последним подразумевалось время с момента его разговора с Ольгой. Перемякнуло что-то. Да, оставалась обида на нее, но та же пресловутая интуиция подсказывала, что в определенные моменты она не притворялась. Например, там, на берегу. Да и у нее дома... Поначалу да, играла, но потом...

И еще он понимал, что в тот день, когда вышел из ее кабинета, внутри образовалась какая-то пустота. Которую ничем не заполнить. Ни работой, ни развлечениями, ни песнями в караоке-баре. И уж тем более не уборкой квартиры. Стимуляторы Копейкин не употреблял.

Наверно, можно попытаться еще раз встретиться с ней, поговорить. Но мужская гордость не давала нажать кнопку вызова на мобильнике. Ведь, кто первым предложит сесть за стол переговоров, признает свою вину. Вот если она сама позвонит...

Он проехал свою остановку. Пришлось возвращаться пешком.

Офис малого предприятия «Юрьевские срубы», где трудился погибший Темнов, располагался не в дешевом бизнес-центре, а в особняке начала двадцатого века, что говорило о солидности организации. Правда, фирма занимала не весь особняк, а только крыло, но и это немало. С другой стороны, сразу возникали определенные мысли – строительных компаний подобного рода на каждом углу, конкуренция дикая, и золото ручьем в их закрома не льется.

Секретарь, сидевшая в приемной, убранству которой позавидовал бы и министр, тут же доложила шефу о прибытии оперативного уполномоченного и лично распахнула дверь в кабинет.

Копейкин в своих джинсах, футболке «SEX TRAINER» и безрукавке смотрелся в дорогой обстановке как гастарбайтер на приеме у олигарха. Но его это не смущало. Он предъявил главе фирмы удостоверение, представился, присел и в двух словах обрисовал ситуацию. С тактикой он так и не определился.

Леонид Анатольевич Сатин кофе с чаем не предлагал (а мог бы!), слушал не перебивая, лишь нервно пощелкивал авторучкой и обмахивался кожаной папочкой, хотя кондиционер охлаждал помещение градусов до двадцати. Когда Копейкин закончил, он немного помолчал, после вылез из-за стола:

– Да... Сергей не случайный попутчик. Они с Игорем поехали вместе.

– В таком случае надеюсь услышать – куда и зачем?

Леонид Анатольевич еще несколько секунд собирался с мыслями, прикидывая, с чего начать. Волнение выглядело вполне естественным.

– Вы звонили родным Игоря? – вместо ответа спросил он.

– Я нет... Но наши могли.

– Мать не перенесет, – глава снова вернулся за стол, выпил какие-то таблетки.

– Родные Михалева вас волнуют меньше?

– Нет, что вы... Просто Игоря я знаю гораздо больше... А Сергей? Он ко мне в больницу приходил. Примерно месяца полтора назад. Я упал неудачно, – Сатин показал на небольшой шрам на виске, – он разбирался. Там и познакомились. Разговорились, я подработать предложил. Зарплата у вас, я знаю, не очень...

– Соглашусь, не очень, – кивнул Копейкин, не проявляя пока пристрастия, – и в чем заключалась халтура?

– Ничего сложного. Время от времени отвозить в Зареченск документы. Договоры, ведомости... У нас там партнер. Сергей согласился.

– Леонид Анатольевич, – Копейкин сменил доброжелательный тон на более брутальный: – Вы же культурный человек, наверняка с высшим образованием. А ведете себя хуже школьника. Или действительно неудачно упали. Отвезти договора может обычный курьер. На это не надо подписывать офицера полиции. Разве не так?

Строитель неуверенно возразил:

– Да, наверное... Но не всякие бумаги доверишь обычному курьеру. И тем более почте.

– И я догадываюсь, что это за бумаги! Зеленые! Вернее, черные! Не бойтесь, Леонид Анатольевич, я не из налоговой. Ваши аморальные схемы меня волнуют мало. Но, сами понимаете, долго не волноваться я не смогу.

– Выпить не хотите? – Сатин кивнул на бар-глобус, давно вышедший из офисной моды.

– Нет. И вам не советую.

– Ладно, – он пристально посмотрел на Копейкина, словно прикидывая, стоит ли доверить тому тайну золотого ключика, – но, если можно – без протокола. И без рекламы. Не то чтобы это совсем критично, но...

– Чтобы что-то гарантировать, надо знать, о чем идет речь.

– Хорошо-хорошо, – сдался малый предприниматель, – если вы в курсе, мы занимаемся коттеджным строительством. Лес заказываем в Зареченске, там делянки.

– Браконьерские, – добавил Кирилл Павлович.

– Без понятия... Мы же заказываем готовый продукт, а не сырье... Берем лес в одной зареченской фирме. Раньше оплачивали через банк, но потом они стали просить налом. Так удобней...

– Я ж говорю – браконьеры.

– Игорь отвозил деньги... Но отправлять одного большой риск. Я договорился с Сергеем. Сопроводить.

– Так сложно найти профессионального охранника? Вы, как я вижу, не бедствуете, – Копейкин кивнул на изразцовый камин.

– Хм... Дело не столько в охране, сколько в ваших коллегах... Извините... ГАИ-ГИБДД. Увы, прецеденты случались.

Судя по вздоху малого предпринимателя, ущерб от прецедентов принес значительные моральные страдания, говоря юридическим языком.

– Сколько было денег? – прервал затяжной вздох собеседника Кирилл Павлович.

– Чуть больше миллиона. Рублей, конечно. До Зареченска они не доехали.

– Неплохой у вас оборот... Миллион. Малое предприятие...

– Это не так много по сегодняшним меркам.

– Ладно... И какие у вас мысли?

– Поставщики исключены, – без заминки заверил Сатин, – они даже не знали, на какой машине приезжал Игорь. Он оставлял машину за пару кварталов и дальше шел пешком. Назад

возвращался огородами. Проследить нереально. Сам Игорь не трепался. Он очень осторожный. Живет один, родня в Бурятии. Нет-нет, Игорь исключен.

– А вы? Никому не хвастались?

– Зачем? Я себе не враг. Деньги упаковывал сам. Вот здесь, за этим столом.

– То есть остается участковый?

– Я его, конечно, предупреждал, чтобы помалкивал. Да и он понимать должен. Но...

Ничего гарантировать не могу...

– Сколько раз он ездил?

– Минутку, – Сатин заглянул в планшетник, заключенный в резной деревянный оклад, – сегодня – четвертый.

– В чем лежали деньги?

– Сумка. Спортивная. Черная, с красными полосками. Небольшая... Вы нашли ее?

– Хм... У Темнова было оружие?

Леонид Анатольевич снова засмутился:

– Да... Но...

– Ему уже ничем не навредить.

– Пистолет... Макарова. Он купил его где-то. Недавно, после того как начал ездить с Сергеем. Я предлагал пользоваться легальным оружием, например охотничьим... Или травматикой. Но он отказывался. Мол, привык к «Макарову». Он военный бывший.

– Хорошо стрелял?

– Говорил, что да.

– Врал...

В то же самое невеселое время Николай Васильевич Бойков – человек, поклявшийся на кодексе рано или поздно упечь Кирилла Павловича Копейкина за ржавую решетку, выполнял его обязанности. Попытался супругу убитого участкового Михалева. Слава богу, ему не пришлось выполнять функции трагического вестника. Их выполнил куратор Слепнев, позвонив ей по телефону и уточнив, какие вещи муж забрал в поездку. Ну и как бы между делом, без подготовки, по-простецки сообщил о случившемся. И отговорил приезжать на место происшествия, соврав, что Сергея уже увезли в морг. Велел идти в отдел и ждать сотрудника. Дежурный посадил несчастную в «демократический уголок», бывший когда-то «красным». Сейчас в нем проходили собрания коллектива и праздничные мероприятия. Там ее и застал оперативник собственной безопасности. Пустой стаканчик, россыпь упаковок с успокоительными средствами и пепельница, полная окурков, говорили, что брак между супругами не был фиктивным.

Сама Марина, так звали жену Михалева, находилась в состоянии, которое можно охарактеризовать одним словом – автопилот. Пока сознание не перешло в неуправляемый штопор, надо постараться выудить хоть какую-нибудь информацию. Времени на это не так много.

– Это ошибка какая-то... Да, у него есть сестра в Зареченске. Маша. Но он ездил не к ней!

– А к кому? – без нажима спросил Бойков.

– По работе... Бумаги какие-то отвозил.

– Видимо, он немного лукавил. Есть рапорта на отгулы. По семейным обстоятельствам. Вы не знаете, что это за обстоятельства?

– Ну что вы говорите ерунду? Не было никаких обстоятельств! Какой смысл мне врать?

– Пока не знаю. Я вижу вас в первый раз, – Коля вместо успокоительного тона намеренно шел на конфликт, который отвлек бы собеседницу от тяжких дум и оттянул миг истерики, – но знаю другое. Все большие беды начинаются с маленького лукавства. Так к кому он ездил?

Марина конфликт поддержала. Даже слишком активно. Опрокинула стакан, поднялась со стула:

– По работе!!! Что вам от меня надо?! Скажите, где Сережа, я хочу поехать к нему! Кто вы вообще такой?!

Бойков тоже поднялся, встал между ней и дверью.

– Тихо-тихо... Извините...

Потом схватил ее за плечи и с силой усадил на место. Его расчет не оправдался. Истерика началась. Как он называл – тихая истерика. Марина не кричала, не вырывалась, просто смотрела в одну точку и беззвучно плакала. Но в любую секунду могло прорвать, поэтому Коля убрал от нее все колюще-режущие предметы и раритетный чугунный бюстик Дзержинского. При этом, словно психотерапевт, успокаивал ее, не забывая о главном. «А девчонка-то симпатичная».

– Я пока вас ни в чем не обвиняю... Просто хочу понять, что же такое происходит в вашей семье. Почему верный муж, у которого от жены нет никаких секретов, вдруг начинает врать?

Марина перестала плакать, но в точку смотреть продолжала. Негромко ответила:

– У нас все было нормально. Мы ребенка хотим завести, – Она говорила о Сергее в настоящем времени, – Вы дарите своей жене цветы?

– Я не женат, – как-бы с легким сожалением ухмыльнулся Коля.

– А он дарит. С каждой полочки... И когда из Зареченска приезжал... Он добрый.

– Да, я в курсе, – поддержал Бойков, никогда не встречавшийся с Михалевым, – с Сергеем был второй потерпевший. Игорь Темное. Вы знаете его?

– Нет, никогда не слышала, – чуть оживилась Марина, – он из полиции?

– А говорите, нормально... Марин, я все понимаю, вам сейчас не до моих вопросов, но...

Девушка не дала закончить мысль:

– А Витька Ежов с ними не ездил?

– Нашли только двоих... Возможно, убежал. А кто это?

Она, наконец, оторвала взгляд от точки. И еще больше помрачнела:

– Одноклассник его. Тоже из Зареченска. Но работает здесь. Водителем в Южном районе.

На свадьбе у нас свидетелем был, потом Сергея в полицию сагитировал... Скользкий весь, как уж, – судя по интонации, Марина не протянула бы Ежову руку, если б тот, к примеру, тонул в поганом болоте.

– А почему он мог быть с ними?

– Они накануне с Сережей по телефону болтали. Что-то про поездку. Я весь разговор не слышала, на кухне готовила. Я ему, пока вас ждала, позвонила.

– Зачем?

– Ну мало ли знает что... А он отказывается ото всего. Ничего, мол, не ведаю, сам в шоке. Только врет, сволочь, я по голосу поняла... Он вечно Сергею всякие авантюры предлагает.

– Например?

– Недавно уговаривал с ним лохов опускать. Где-то на Кировской, это в его районе. Он там с девкой какой-то бомбит. Сережа отказался. Он честный...

Она опять заплакала.

– Марина, погодите-погодите... Что значит «бомбит»?

– Подставы делает, но подробностей не знаю.

– Марин, дайте мне ежовский телефон. И еще просьба. Пока никому про него не говорите. Ни следователю, никому. Просто поверьте, что так лучше.

Жена Михалева протянула мобильник:

– Последний вызов.

В открытое окно «демократического уголка» ворвался чей-то задорный смех, точнее ржач. Марина вздрогнула, посмотрела на окно, после на Колю и заорала, словно впередсмотрящий, увидевший в десяти метрах от носа судна айсберг.

– Не-е-е-т!!!

Самолет сорвался в штопор. Коля понял, что на сегодня разговор окончен.

Давным-давно, во второй половине двадцатого века, жил в здешних краях простой рабочий паренек по имени Иван. Или Ванька. Фамилия его, как и у его тезки Урганта, была не русской, ибо предки Вани когда-то, еще до восстания декабристов, тусовались в Европе. Потом, перебравшись в Россию, они добавили к окончанию местное «ов», превратившись из Хельсинг в Хельсинговых. Здесь, в России, они занимались исследованием аномальных явлений, как то: полтергейст, вампиризм, приведения, вселение в человека дьявола и тому подобных. И преуспели в данной области замечательно, передавая свои наработки из поколения в поколение. Одних только оборотней выловили не меньше дюжины, вернув обществу полноценных членов. Но Октябрьская революция, не признававшая бесовщины, поставила крест на промысле Хельсинговых. Поэтому Ванька окончил обычную советскую школу, затем профессионально-техническое училище, отслужил срочную и устроился на аккумуляторный завод токарем-карусельщиком. Познакомился в Доме культуры с хорошей девчонкой, работавшей воспитателем в детском саду, копил денежки на свадьбу, стоял в очереди на «жигули» первой модели, читал книжки Дюма-отца. То есть был гармонично развитым строителем светлого будущего.

И жил бы себе Ваня спокойно и счастливо, но однажды вечером, возвращаясь с завода в отчий дом, нарвался он на милицейский патруль. Трех сержантов и водителя «козлика». И ничего вроде незаконного не совершал, просто весело шагал по улице, неся в кармане свежеполученную заработную плату и прогрессивку. И веселье не было связано с употреблением портвейна «Розовый», потому что выпил он всего граммов пятьдесят. Вместе с коллективом. Чтобы не отбиваться.

Но патрульные милиционеры все же остановили его, проверили документы, обыскали, а потом затолкали в «козлик». Ваня умолял выпустить его, ведь, если на предприятие придет бумага из ментовки, его снимут с очереди на комнату в общежитии. Но не слушали его криков патрульные, ибо оказались они натуральными оборотнями, а не честными легавыми. Отвезли Ваню не в отделение, а на заброшенную стройку. Отобрали зарплату и прогрессивку, а когда несчастный заявил протест и пообещал жаловаться, жестоко избили его дубинками и бросили умирать на куче щебня.

Утром же решили проверить, не оставили ли каких следов. Вернулись на стройку. Но Вани уже не было. Лишь маленький осиновый колышек торчал из щебенки аккуратно в том самом месте, где бросили упыри токаря-карусельщика на произвол.

Тем же вечером примчались в милицию родители и девушка Ивана Хельсингова с заявлением о пропавшем сыне и женихе. Приняли органы заявление, завели розыскное дело, проверили морги и больницы. Но, увы – никаких следов. Канул Ваня, словно и не жил. Девушка погоревала, а через месяц вышла замуж за оперуполномоченного, искавшего ее любимого. А спустя год суд и вовсе признал его умершим.

И забыли бы все про Ваню, не случись ровно через два года, день в день, странное происшествие. Тех самых патрульных милиционеров нашли мертвыми в городском парке, где любила гулять молодежь. Причину смерти установить не удалось. Никаких внешних и внутренних повреждений. Просто взяли и умерли. Но рядом с телами эксперт-криминалист обнаружил небольшой осиновый колышек, воткнутый в землю. А в карманах покойных, помимо документов, ювелирные украшения, денежные знаки и валюту иностранных государств. Обирали, как оказалось, патрульные гулявшую в парке публику, прикрываясь милицейской формой.

Ничего не выявило следствие. Ни свидетелей, ни следов. Правда, и дела уголовного не возбуждали, потому что причина смерти неясна. Хотя сомнения, конечно, закрадывались. Ладно бы один преставился, а то сразу трое. Но статистику портить нельзя. А значит, нет ни

состава, ни события. Наградили милиционеров посмертно на всякий случай и проводили в последний путь автоматным салютом.

Однако вскоре в районе при таких же странных обстоятельствах ушел в мир иной тот самый оперуполномоченный, женившийся на Ваниной невесте. Такой же колышек и аналогичное отсутствие телесных повреждений. Но самое любопытное, что буквально за неделю до этого приобрел опер новую «Волгу» – машину по тем временам крайне престижную, накопить на которую честным образом не мог и академик. Что уж об обычном менте говорить. Жена, как девушка порядочная, призналась, что выпустил ее муж на свободу какого-то пойманного «цеховика», объявленного во всесоюзный розыск. На это и прикупил авто. И не только авто. А еще успел ей сказать муж перед смертью, что Ваню могли погубить те самые патрульные. Мол, признался ему водитель «козлика». Сам водила Ваню не грабил, за рулем сидел, поэтому и выжил.

И вновь дело не возбудили. Но поползли в милицейской среде нехорошие слухи. Мол, не погиб тогда Ваня Хельсингов, а спрятался где-то и охотится теперь на оборотней в погонах, убивая их непонятным образом и оставляя осиновою метку. Бросились снова искать, да без толку.

А потом пошло-поехало. Раз в квартал кто-нибудь да загнется. От обычных постовых до заместителя начальника УВД. Причем все с душком коррупционным. Честные ни разу под раздачу не попали. И везде колышки.

Руководство призадумалось. Если так дальше пойдет, то никого в юрьевской милиции скоро не останется. Ну, кроме, конечно, нормальных. А нормальных-то процентов двадцать набирается. Кто с преступностью бороться будет? Кто людей защитит?

Оборотни тоже засуетились. Кто срочно рапорт на «гражданку» написал, кто со взятками завязал на время. Лучше на одну зарплату жить, чем с колом осиновым познакомиться. Кадровики новобранцев предупреждать стали, легенду о Ване Хельсингове рассказывать. Мол, будете брать или произвол чинить, навестит вас охотник на оборотней.

И все вроде наладилось, стали ряды очищаться от скверны, вздохнули обыватели с облегчением. Но грянула тут перестройка, открылись новые горизонты для коррупции и крышевания, начались ментовские войны.

И пропал Ваня. Понял, видать, что с таким количеством вселившихся бесов ему не справиться. Бессилен он. Колов на всех не хватит. Улетел, наверно, в астрал.

А легенда осталась. И даже теперь, по прошествии лет, какой-нибудь полицейский, принимая мзду, нет-нет да и вздрогнет, вспомнив о Ване Хельсингове. Кто знает, вдруг возьмет да и вернется охотник с колом... И ни связи не помогут, ни крыша министерская, ни деньги.

Но после успокаивается, понимая, что это всего лишь красивая сказка. И если кого и стоит опасаться, так это охотников из отдела собственной безопасности. Но они действуют в правовом поле. Безо всяких осиновых колов...

«И какой только хрени ни придет в голову, пока сидишь в засаде, – думал реальный охотник на оборотней Бойков, наблюдая за перекрестком из салона своей преданной „девятки“, – Ваня Хельсингов, колы осиновые... Жаль, конечно, что это фантазии. Не хватает Вани, ох, как не хватает». Одно из главных правил хорошего охотника – грамотная маскировка, плавно переходящая в окружающую среду. Чтобы подобраться к зверю на длину рогатины, а тот бы и ухом не повел. Охота на оборотней мало чем отличается от обычной. Ну разве что без рогатины. Но правильная маскировка обязательна.

Помня об этом, Коля гримировался более часа. Задача непроста – создать видимость состоятельного человека, почему-то едущего на «жигулях». При этом выглядеть дурачком, которого легко обвести вокруг пальчика. Оптимальный вариант – гастарбайтер, выигравший в лотерею. Нет, не прокатит – из Коли дворник, как из манекена – народный артист.

В итоге остановился на образе провинциального скотопромышленника. Отыскал в шкафу старинный пиджак с зеленоватым отливом и потертыми локтями, тельняшку и сорочку с сильно потрепанным воротником. На ноги – ботинки, тоже с отливом (в город же приехал!). На голову ничего – охотиться будет в машине. Облился дедушкиным винтажным одеколоном, сунул под мышку борсетку, вышедшую из моды в начале нулевых. Посмотрелся в зеркало. Свят-свят. Не дай бог, знакомые увидят. Но долг есть долг. Вместо того чтоб сходить в театр, полистать томик Есенина... Судьба резидента.

Борсетку нафаршировал фальшивыми купюрами различного достоинства на общую сумму сто тысяч – этой макулатуры у Чистова полный стол. Главное, засветить ненавязчиво, не вспугнуть. Номера на своей «девятке», естественно, сменил. Этим железом у Чистова забит второй стол. Прямо человек-легенда.

А Коля будет человеком-лохом. Оборотень хорошо на них клюет.

Без пятнадцати десять он сел в лох-мобиль и выдвинулся на засидку в Южный район Юрьевска. О предстоящей охоте никому не докладывал. Даже Царю-батюшке. На случай если промахнется. Чтобы не смеялись потом и не показывали пальцем. Да и вообще, второе правило охотника – чем меньше советчиков, тем лучше. Правда, имелся и минус – если оборотень окажется здоровым и крепким, крутить его в одиночку будет нелегко.

Погода располагала. Легкий ветерок прогонял жар, исходящий от раскаленного за день асфальта и стен домов, а падающие с темного неба метеоры добавляли романтики и мусора. Он поставил медляк от «Сиалекса» и открыл боковое окно. Под сиденьем спрятался диктофон. Видеорегистратор притаился в аптечке, лежащей на полке у заднего стекла. Оставалось только подманить зверя.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро уголовное дело делается. Уж и про Ваню легенду сочинил, и о собственной жизни подумал... Не факт, что оборотень сегодня вообще вылезет из норы, во-вторых, есть вероятность, что он сменит ареал обитания. Хотя территория давно поделена, помечена и не дай бог нарушить границу. Разорвут. Но тем не менее.

И только безграничная вера в торжество справедливости удерживала Николая Васильевича в засидке вот уже третий час. Да, доля охотничья нелегка – иногда всю ночь сидишь не двигаясь, ради удачного выстрела. Засидку он устроил на темной стороне улицы, припарковавшись на газоне. Зато отсюда прекрасно виден нужный перекресток. Оставалось только ждать, молиться и слушать «Сиалекс» по двадцатому разу.

Прежде чем отправиться на охоту, он попытался навести хоть какие-то справки об оборотне. Википедия в данном вопросе не помощник, но выручили социальные сети. Человек был зарегистрирован и довольно активно выкладывал фото и вел переписку. Он был женат, что не мешало ему контактировать с дамами, среди которых Коля отыскал интересный экземпляр. Двадцать три года, блондинка, довольно миловидная. Интерес был вызван тем, что они оба разместили свои фото на фоне одного и того же здания. И вовсе не Юрьевского драматического театра, а отеля в Доминиканской Республике. Вряд ли отдых в одном и том же отеле стал поводом для знакомства. Знакомство наверняка состоялось до. Странно, что молодой человек не побоялся выложить это фото – прямая засветка перед женой. Возможно, последняя не знает, что такое социальные сети. Такое встречается.

Еще удалось выяснять, что на ужин оборотень ездит на служебном «УАЗ», несправедливо прозванном в народе «Бобиком». Причем ездит в разное время. Да и вообще, частенько сваливает во время ночного дежурства по личным делам. Это службе, однако, не мешает – если что-то случается, его вызывают по рации или мобильнику. Все это поведал знакомый опер, сидевший когда-то с Колей в одном кабинете и сохранивший добрые к нему чувства.

Дальше дело техники, вернее – биллинга. Технический кудесник Чистов, благодаря престоупным связям в компаниях сотовых операторов, за один день определил географию звонков. Несколько вечерних были совершены оборотнем от перекрестка, возле которого и притаился

сейчас Николай Васильевич. Мало того, оборотень довольно часто созванивался с доминиканской блондинкой. И тоже отсюда. Все говорило, что они безобразничают в паре. Как именно безобразничают, охотник пока не знал. Потому что способов отъема денег у обывателей огромное множество. Но ничего, час расплаты близок.

Днем перекресток был достаточно оживленным, но сейчас, без пятнадцати полночь, снимай его режиссер, откровенно бы заскучал. Автобусная остановка пустовала, до ближайшего строения метров сто. Пролетарская окраина. Никакой динамики, никаких страстей. Коля решил, что подождет до половины первого и поедет читать Есенина. Он особо и не рассчитывал, что заарканит гадов с первой попытки.

Если уж быть откровенным, то им двигало не только чувство долга. Оно в наше хозрасчетное время вообще мало кем двигает. Просто хотелось утереть нос хваленым профессионалам, в том числе и Копейкину. Чтоб пальцы не раскидывал и помнил, что в «собственной безопасности» тоже кое-что могут. Чтоб готовился.

Но чудо случилось! Сказка стала явью! За пять минут до контрольного времени к перекрестку подошла барышня. Блондинка. Блузочка с характерным вырезом, юбочка – а-ля набедренная повязка, босоножки на высоченных шпильках, сумочка. Только надписи на спине не хватает: «Изнасиуйте меня срочно». Причем подошла она не со стороны домов, а, скорей всего, вылезла из припаркованной у дороги машины. Коля прильнул к биноклю. Да, похожа на ту, из доминиканского отеля. Он перевел окуляры левее. Есть! Милицейский «УАЗ» притаился на темной стороне улицы. Из него, наверно, красавица и вышла в свет. Он завел двигатель, выключил магнитолу.

Девушка вскинула ручку, ловя попутку.

Лишь бы бомбила какой-нибудь не опередил! Коля газанул, срезая путь через кусты, машина днищем зацепила поребрик и, кажется, ругнулась матом. Больно! Через четверть минуты он затормозил рядом с девушкой. Нацепил маску скотопромышленника, опустил правое стекло:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.